

В. В. САПОВ

**ОТ МАРКСИЗМА К «ХРИСТИАНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ»
(Путь С. Н. Булгакова)**

БИОГРАФИЯ С. Н. БУЛГАКОВА

Сергей Николаевич Булгаков родился 16(28) июля 1871 г. в г. Ливны Орловской губернии. «Я родился в семье священника, - писал он впоследствии,- во мне течет левитская кровь шести поколений» [1, с. 34]. Жизнь в провинциальном российском городе прошлого века и религиозное воспитание оказали огромное влияние на формирование его личности и мировоззрения.

В этом смысле духовная биография С. Н. Булгакова обнаруживает некоторое типологическое сходство с биографиями В. С. Соловьева и Н. А. Бердяева.

«Примерно до 12-13 лет,- вспоминал С. Н. Булгаков, - я был верным сыном Церкви по рождению и воспитанию, учился в духовной школе, сначала в Духовном Училище (четырёх-классном) в родном городе Ливны, а затем в Орловской Духовной Семинарии (3 года). Уже...в первом-втором классе семинарии наступил религиозный кризис, который, - правда, хотя и с болью, но без трагедии — закончился утратой религиозной веры на долгие, долгие годы, и с 14 лет, примерно до 30, блудный сын удалился в страну далеку...» [Там же]. Этот период «религиозной пустоты» Булгаков позднее расценивал как самое тяжелое время своей жизни. Летом 1887 г. Булгаков оставляет Орловскую семинарию и после двухлетнего пребывания в Елецкой гимназии поступает на юридический факультет Московского университета, где изучает политэкономии и знакомится с марксизмом. В 1894 г. после защиты диплома он был оставлен на факультете для подготовки к профессорскому званию. В 1898 г. ему предоставлена двухлетняя научная командировка в Германию. Еще до отъезда, в 1896 г. Булгаков опубликовал свою первую книгу «О рынках при капиталистическом производстве», написанную в основном с марксистских позиций.

В Германии Булгаков (вместе с женой Е. И. Токмаковой) пробыл до 1900 г. ж познакомился здесь - по рекомендации Г. В. Плеханова — с крупнейшими представителями германской социал-демократии: К. Каутским, А. Бебелем, В. Адлером и др. В Германии, наперекор ожиданиям, начались быстрые разочарования и мое „мировоззрение" стало трещать во всем швам. В результате, когда я вернулся на родину, чтобы занять, наконец, желанную профессуру "политической экономии", я был в состоянии полной резиньяции, в которой сначала робко и неуверенно, а затем все победнее стал звучать голос религиозной веры. Ее я и начал исповедовать с тех пор в своих сочинениях примерно начиная с 1901—1902 года" [Там же, с. 36-37].

Свой резкий поворот «от марксизма к идеализму» сам Булгаков объясняет

двумя притонами: любовью к Иисусу Христу, привитой ему с детства, и духовным влиянием Ф. М. Достоевского и Вл. Соловьева. К числу этих причин следует отнести и его «чудесную встречу» с Сикстинской мадонной, которую он пережил в Дрездене. Вот как он сам об этом рассказывает: «Это было не эстетическое волнение, нет, то была встреча, новое знание, чудо... я (тогда марксист), невольно называл это созерцание молитвой и всякое утро... бежал туда, пред лицо Мадонны, „молиться“ и плакать, и немного найдется в жизни мгновений, которые были бы блаженнее этих слез...» [Там же, с. 64].

Следует, пожалуй, назвать еще одно существенное обстоятельство, сыгравшее свою роль в духовной биографии С. Н. Булгакова,— его общение с Л. Н. Толстым. Вот что пишет А. Б. Гольденвейзер в своем дневнике (запись от 20 марта 1897 г., Москва): «Был у Толстых, там был С. Н. Булгаков - марксист. Л. Н. был в ударе и очень горячо, страстно спорил с Булгаковым, яро отстаивавшим свои марксистские положения. Диалектика Л. К. одержала верх, и Булгаков аргументировал к концу все слабее и слабее... Я глубоко убежден,- пишет в примечании к этой записи А. Б. Гольденвейзер,— что эта беседа была одним из сильнейших толчков, заставивших Булгакова вскоре отказаться от марксизма, и пойти по совершенно иному, хотя и весьма далекому от Льва Николаевича пути» [2, с. 7—8].

Влияние Л. Н. Толстого на Булгакова носило скорее «негативистский» характер: оно способствовало разрушению его старых воззрений, но не способствовало формированию новых. «Схема» отношения Булгакова к Л. Н. Толстому хорошо просматривается в следующем эпизоде. В последнюю свою встречу с Толстым в Гаспре в 1902 г., вспоминал С. Н. Булгаков, «я имел неосторожность выразить свои чувства к Сикстине, и одного этого упоминания было достаточно чтобы вызвать приступ задыхающейся, богохульной злобы, граничащей с одержанном. Глаза его загорались недобрым огнем и он начал, задыхаясь, богохульствовать. „Да, привели меня туда, посадили на ferterbank (скамью для пыток), я тер ее, тер ж..., ничего не высидел. Ну что же: девка родила малого, девка родила малого, только всего, что же особенного?“» И он искал еще новых кощунственных слов, тяжело было присутствовать при этих судорогах духа» [1, с. 109].

Булгакову понадобилась почти целая жизнь, чтобы признать относительную правоту Толстого в этом споре. Когда в 20-х годах состоялась его «вторая встреча» с Сикстинской мадонной, он «увидел и почувствовал нечистоту, нецеломудрие картины Рафаэля, сладострастие его киста и кощунственную ее нескромность» [Там же].

Этот эпизод рисует не только «схему» влияния Л. Толстого на Булгакова, но в «схему» его духовной эволюции вообще: отрицание — осмысление - частичное признание. Такковы этапы его отношения, например, к религии и социализму, К. Марксу и Р. Штаммлеру, самодержавию и резолюции.

В 1901 г. Булгаков получил «профессуру» в Киеве, где он читает курс политэкономии. В августе 1903 г. он участвует в нелегальном съезде «Союза освобождения» и в том же году издает свою знаменитую книгу «От марксизма к идеализму»; в 1904 г. - вместе с Н. А. Бердяевым он редактирует журнал «Новый путь». Наконец, в начале 1905 г. происходит «возвращение блудного сына» к Богу: -Булгаков приходит (впервые за многие годы) в церковь на исповедь. В марте по инициативе Булгакова было основано (в Москве) Религиозно-философское общество памяти В. С. Соловьева. Именно в эти годы к нему приходит слава и популярность как к одному из ведущих публицистов страны.

Начавшаяся в 1905 г. революция застала Булгакова в Киеве.

В 1906 г. он участвовал в создании Союза Христианской политики и в 1907 г. был избран депутатом во II Государственную Думу от Орловской губернии как беспартийный «христианский социалист», но значительной деятельности как депутат не вел. При известии о Манифесте 17 октября Булгаков в толпе студентов,

нацепив красный бант, вышел па демонстрацию, но а какой-то момент «почувствовал совершенно явственно веяние антихристового духа» [Там же], и придя домой, выбросил красный бант в ватерклозет.

С этого момента вчерашний «непримиримый враг самодержавия», мечтавший, по собственному признанию, в студенчестве о цареубийстве, становится монархистом. «Становилось очевидно, что революция губит и погубит Россию. Но не менее ясно было для меня тогда, что ее не менее верно губит и самоубийца на престоле, первый деятель революции Николаи II». Здесь необходимо отметить, что его так называемая «контрреволюционность» не носила политического характера. От революции Булгаков отвернулся исключительно по нравственным соображениям, увидев в ней симптомы очень многих опасных болезней, которые через несколько десятилетия, вполне развившись, поставят нашу страну на грань катастрофы. Это и надежда на «социальное чудо», и «разрушение в народе вековых нравственно-религиозных устоев», что «освобождает в нем темные стихии, которых так много в русской истории, глубоко отравленной злой татарщиной и инстинктами кочевников-завоевателей» [3, с. 64] и «духовная пэдократия» - «величавшее зло общества» [Там же, с. 43] и многое-многое другое, к осознанию чего мы теперь, спустя - увы -восемьдесят лет. понемногу приходим. 1909 г. в целом пыл переломным для Булгакова. Сборник «Вехи» неведомо для него самого уже вынес его «за скобки» будущей революционной России. Все до сих пор разрозненные тенденции его духовной эволюции отныне обретают в теологии вполне отчетливую конечную цель. «Из социолога я становился богословом»,— отмечает он [1, с. 37].

В 1909 г. Булгаков переживает личное горе - в августе умер его четырехлетний сын Ивашечка, и это печальное событие он пережил «не только как личное горе, не и как религиозное откровение» [Там же, с. 67].

Общавшаяся с Булгаковым в это время М. С. Шагинян (которой он, кстати, посоветовал читать «Капитал», т. к. в нем «многое способно увлечь»), вспоминает его как «удивительно милого и мягкого человека». «К Булгакову,- рассказывает М. Шагинян,— к его мимозной какой-то недотрагиваемости, травмируемости, когда возникал спор о религии, я питала слабость. Он казался мне умнее и тоньше всех» [4, с. 130].

Монархизм Булгакова в это время приобретает черты какого-то интимного чувства. Вот как рассказывает о зарождении «мистического чувства» любви к царю С. Н. Булгакова Е. К. Герцык: «Проводя лето обычно в Крыму, под Ялтой (имение родителей его жены), он не раз сталкивался с автомобилем царя, внезапно налетающим из-за поворота, и вид этого уже обреченного человека — злой судьбы России - пробудил а нем безмерную жалость - влюбленность. Всеми навыками радикальной политической мысли он знал неизбежность революции и гибели царизма, но сильнее этого изнутри жгло его чувство к несчастному помазаннику» [5, 151].

Последние предвоенные годы Булгакова были заполнены особенно интенсивной научной и публицистической деятельностью. В 1910 г. он вместе с Е. Трубецким, Н. Бердяевым и В. Эрном организует в Москве книгоиздательство «Путь», в котором выходят вскоре два основных его сочинения: «Два града» (1911, два тома) и «Философия хозяйства». В Московском коммерческом институте он читает прекрасные курсы лекций «История социальных учений XIX в.» и «История экономических учений», не утратившие своего научного значения и по сей день.

В 1912 г. Булгаков издает и одновременно защищает в качестве докторской диссертации первую часть «Философии хозяйства», оказавшейся последней его крупной работой, написанной в условиях «мирного времени».

Первую мировую войну Булгаков воспринял как крах «мещанской» цивилизации Европы. Настроен он был, как это видно из его статей и из воспоминаний современников, вполне патриотически. Наиболее глубокое осмысление войны Бул-

гаков дал, пожалуй, в небольшой своей брошюре «Война и русское самосознание» (М., 1915), И, наконец,- революция...

«Революцию я пережил трагически, — пишет Булгаков в «Автобиографических заметках»,- как гибель того, что было для меня самым дорогим, сладким, радостным в русской жизни, как гибель любви» [1, с. 72].

Отношение С. Н. Булгакова к революции лучше всего выражено им, помимо незаконченного отрывка «Пять лет», в статье «Христианство и социализм» и диалоге «На пиру богов. Pro u contra».

Вот несколько выдержек из речей «дипломата» - одного из персонажей диалога, который, пожалуй, наиболее адекватно выражает позицию самого автора: «...революции у нас никто не делал и даже никто, по-настоящему, так скоро и не ждал: она произошла сама собой, стихийной силой...» [6, с. 31].

«Русская революция наглядно показала, что монархических чувств в русском народе уже нет. Монархия в России может явиться только плодом иноземного вмешательства и сразу же утратит свой народный характер... А отсюда следует, что надо искать здоровых форм народоправства, в виде республиканского парламентаризма, который освободит нас от тисков социальной тирании и олигархической диктатуры* [Там же]. «России надо во что бы то ни стало установить у себя правовой порядок, упрочить здоровую государственность и справиться, наконец, с хаотической распыленностью. Нужно ввести жизнь в ограниченные берега. Римское право — вот чего нам не привила наша история. А вне правового пути нас ждет политическая и вместе и культурная смерть» [Там же, с. 46].

С такими приблизительно настроениями С. Н. Булгаков принимает решение, переломившее его жизнь надвое: 11 июня 1918 г. в Москве в Даниловском монастыре он принимает сан священника. Еще летом 1917 г. он активно участвовал в работе Собора русской православной церкви (им написано первое послание избранного на Соборе Патриарха Тихона). Теперь, после обряда «рукоположения», его избирают членом Высшего Церковного Совета.

На следующий год он,- полагая, что ненадолго,- поехал в Крым, чтобы забрать оттуда семью (причем, в Москве остался его сын Федор, которого он больше не увидит), но в Москву он вернуться не сумел. В Симферополе Булгаков становится профессором политэкономии и богословия. Здесь он много и плодотворно работает: «Трагедия философия», «Философия имени» (эту книгу он считал самой «философской» из своих сочинений), здесь он пишет «На пиру Богов», «У стен Херсониса», автобиографические заметки. Будучи членом Высшего Церковного Совета Юга России, Булгаков отказался дать такое определение социализма, которое позволило бы церкви предать его (социализм) анафеме.

В конце 1920 г. войска Деникина и Врангеля были выбиты с территории Крыма ударами Красной Армии. Булгаков не ушел в эмиграцию, предпочитая горькому хлебу чужбины неизвестность ожидающей его судьбы. «По причине священства» он был вскоре исключен из числа профессоров Симферопольского университета. В октябре 1922 г. С. Н. Булгаков был арестован и доставлен из Ялты (где он жил в это время) в Симферополь. Здесь ему сообщили о принятом решении выслать его за границу и обязали подписать бумагу, в которой говорилось, что в случае возвращения в РСФСР он будет расстрелян. 30 декабря 1922 г. С. Н. Булгаков с семьей (кроме сына, оставшегося в Москве) отбыл в Константинополь, где пробыл несколько месяцев. В марте 1923 г. он переехал в Прагу, а оттуда, в 1925 г. - в Париж, где окончательно обосновался.

Жизнь С. Н. Булгакова за границей внешне сложилась вполне благополучно. Уже в Праге он был избран профессором церковного права и богословия, в Париже он — профессор богословия и декан Православного Богословского института. В период с 1925 по 1938 гг, он совершает ряд поездок по странам Европы и Америки (Англия, Швейцария, Греция, Югославия, США и Канада), по-прежнему мно-

го работает. Среди произведений, созданных за это время, можно назвать «Св. Петр и Иоанн», «Купина неопалимая», трилогия «Агнец Божий», «Невеста Агнца», «Утешитель» — и это еще далеко не полный перечень. В одном только отношении это уже «другой» Булгаков: теперь перед нами настоящий богослов, всецело погруженный в теологические проблемы, распрощавшийся с философией, по-видимому, навсегда. Хотя и здесь не обходится без исключений: в 30-е годы он пишет несколько статей на социально-философские темы. Среди них - «Душа социализма» (Новый град. 1931, № 1; 1932. № 3; 1933. № 7), «Нации и человечество» (Там же. 1934. № 8), «Православие и социализм» (Путь. 1930. № 20}. «Христианская социология» (Париж, 1927). Но эти статьи занимают теперь очень скромное место в его творчестве.

И дело, по-видимому, не только в логике «имманентного» развития булгаковской мысли «от марксизма к идеализму» и далее - к богословию. Вероятнее всего он пришел к вполне справедливому выводу, что России, в том положении, в каком она оказалась, помочь нельзя ничем - ни словом, ни делом. Время и только время способно ее исцелить. «В огненном испытании, которое проходит Россия,— писал Булгаков,— одинаково проявились и ... духовная безоружность православного народа в борьбе с дьявольщиной большевизма, направленной против святыни и религиозной веры, так и особое призвание и религиозный гений русского народа» [1, с. 54]. В своем докладе на Первом съезде РСХД в 1925 г. Булгаков высказался на этот счет вполне определенно: «Единственно правильная верность своей родине - это жизнь в церкви*. «Слова „работать над собой" звучат прописно. И однако это единственный ответ, который можно дать на вопрос „Что делать?“» [7].

Богословское творчество Булгакова выходит за пределы настоящей статьи (и нашей компетенции). Отметим только, что и эта его деятельность не обошлась без терний. «Агнец Божий» повлек за собой обвинение автора в ереси, причем как со стороны Московской Патриархии, так и со стороны зарубежной православной церкви. Размышляя в конце жизни о своей судьбе, С. Н. Булгаков не без горечи призвался: «Чужой среди своих, свой среди чужих, а в сущности нигде не свой» И, с 31-32)],

В начале 1939 г. врачи определили у него рак горла. В марте и апреле ему сделали две операции, в результате чего он практически потерял голос.

Умер Сергей Николаевич Булгаков в ночь с 5 на 6 мая 1944 г. от кровоизлияния в мозг и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа, недалеко от Парижа.

Социально-философское учение

Мировоззрение С. Н. Булгакова слишком сложно, а творческое наследие велико, чтобы можно было в небольшой статье проанализировать его с исчерпывающей полнотой. Поэтому ограничим наш анализ такими понятиями, как «социология», «социализм», «марксизм», «религия» и т. п. Но сначала хотя бы вкратце рассмотрим основные этапы его духовной эволюции и основные черты его мировоззрения.

В творчестве Булгакова отчетливо просматриваются два периода: период философский и период теологический (который в целом остается за пределами этой статьи). Для правильного понимания «творческой эволюции» Булгакова очень важна «отправная точка» его мировоззрения. Из биографии мы уже знаем, что начинал он свою научную карьеру как «политэконом» и «марксист». Такое начало типично для людей поколения Булгакова. Вспомним хотя бы, что и В. И. Ленин учился на юридическом факультете и свою публицистическую деятельность, как и Булгаков и почти одновременно с ним, начал с критики народничества.

И тем не менее почти сразу же пути их диаметрально разошлись. Возникает

вопрос: почему? Здесь не место входить в довольно сложные детали той полемики, которую вели Ленин и Булгаков на протяжении почти всей жизни. Но необходимо сказать, что начальная точка их пересечения также закономерна, как и дальнейшее стремительное их расхождение. Закономерность эта касается такого еще практически не изученного явления, как «вхождение» марксизма в русло той или иной национальной философской традиции. «Русский марксизм» возник как продолжение (и завершение) революционной и политической мысли, берущей начало от декабристов. В рамках этой традиции политическая мысль и политическое действие безусловно превалируют над мыслью философской в строгом смысле слова.

Но поскольку марксизм не только политическое, но и философское учение, он в последнем своем качестве так или иначе должен быть ассимилирован любой национальной философской традицией, в том числе к русской. «Трагизм» здесь заключался в том, что к моменту, когда Россия «выстрадала» марксизм, она только-только выстрадала и свою национальную философию. Философская традиция в России по существу еще зарождалась и к исходу XIX столетия оказалась неизмеримо слабее, чем традиция революционной политической мысли (подобно тому, как и буржуазные политические партии в России оказались значительно слабее РСДРП). Именно поэтому вся русская мысль — если она в той или иной степени не соприкасалась с революционным движением, — с самого начала была, с точки зрения побеждающего марксизма, отнесена в разряд *hereditas jacens* (известная статья В. И. Ленина, написанная в 1897 г., так и называется: «От какого наследства мы отказываемся?») и в дальнейшем обречена на уничтожение.

Именно принадлежность Булгакова к русской философской традиции и определила его отношение к марксизму и социализму. Здесь необходимо ознакомиться с особенностями индивидуального философского мышления Булгакова, чтобы понять и его личное отношение к этой традиции и то место, которое он в ней занял. Л. А. Зандер, ученик и крупнейший знаток философской и богословской творчества С. Н. Булгакова, насчитывает четыре «личностных фактора», которые придают ему облик чисто «русского мыслителя». Вот они: 1) почвенность, 2) эсхатологичность, 3) необычайная способность к философскому и богословскому синтезу. 4) чисто русское стремление доходить во всем до конца [8].

Указанные факторы присущи почти всем русским философам-идеалистам, современникам и ровесникам Булгакова. Но их «удельный вес» у каждого индивидуален. У Булгакова, например, явно преобладают два последних фактора, что и привело его, как увидим ниже, к «трагедии философии».

Для примера рассмотрим влияние почвенности на отношение Булгакова к социализму. Заметим при этом, что понятия «социализм», «марксизм» и «большевизм» Булгаков не только различает, но и в чем-то противопоставляет. Сказать, что он «признает» социализм — значит сказать мало или ничего не сказать. После Достоевского с его идеалом «русского социализма», после Вл. Соловьева признание «правды социализма» стало своеобразной традицией русской философии. Булгаков стремится дать глубинное обоснование социализму, находя его в «онтологическом коммунизме бытия». Мысль эта довольно оригинальна, но слишком обща. «Почвенность» мыслителя проявляется лишь тогда, когда от этого общего положения он переходит в конкретному анализу возможного будущего социалистического устройства России. Он исходит при этом из того факта, что Россия — страна преимущественно крестьянская и, чтобы сохранять свое национальное своеобразие, свою уникальную культуру, она должна таковой оставаться и при социализме, даже если в процентном отношении к общему населению крестьянство в будущем сократится. Дело в том, что русское крестьянство является не только «классом», с точки зрения социальной структуры, но, как свидетельствует этимология самого слова (от «христианства»), является носителем русского духовного начала. Опустим ряд промежуточных логических ступеней и сообщим читателю лишь конечный вывод

Булгакова по «аграрному вопросу»: «Если можно ещё спорить против самостоятельного крестьянского хозяйства по соображениям экономической целесообразности и прогресса, то, с точки зрения социального идеала, этого рода индивидуализм является вполне равноценным с коллективизмом. Вот почему, между прочим, слитая ошибочным чисто экономические аргументы против крестьянства, я включаю в свою экономическую программу наряду с коллективизмом в промышленности крестьянский индивидуализм в земледелии (конечно, восполняемый развитием земледельческих коопераций), причем с точки зрения общего идеала свободы такое на первый взгляд противоречивое сочетание оказывается последовательным и внутренне согласным» [9, с. 313].

Как видим, конкретные представления Булгакова о социализме вполне приемлемы с современной точки зрения. Более того, в период нэпа Россия была довольно близка к реальному их воплощению, но, к сожалению, дальнейшее ее развитие пошло не «по Булгакову», а по пути «раскрестьянивания» и — о чем часто забывают - «расхристианнивания» русского крестьянства.

Отношение Булгакова к марксизму гораздо сложнее. Само собой разумеется, что марксизм для него — «отвлеченное начало» [10, с. 247]. Не столь уж удивительна и сама постановка ни вопроса о К. Марксе как «религиозном типе». Нельзя не согласиться с мнением П. С. Страхова, что понятие «религиозность» Булгаков сплошь и рядом трактует предельно широко [11, с. 16], и хотя В. И. Ленин, вы-смеивая Булгакова как автора понятия «атеистической религии», слегка ошибся адресом (его автором в действительности является материалист Геккель), сам Булгаков, обычно довольно чувствительный ко всякого рода логическим противоречиям, нередко употребляет это словосочетание, не считая его, по-видимому, *contradictio in adjecto*. Но сама по себе «теологизация» западноевропейской философии - это тоже своеобразная традиция русской религиозной мысли, начавшаяся чуть ли не с Чаадаева (аз более близких к Булгакову примеров укажем хотя бы книгу И. А. Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности бога и человека»). «Религиозное истолкование» учения Маркса является для Булгакова частью более общего (религиозного же) истолкования социализма вообще. «Социализм, - пишет он в книге «Два града», - это рационалистическое, переведенное с языка космологии и теологии на язык политической экономии, переложение иудейского хилиазма, и все его *dramatic personae* поэтому получили экономическое истолкование. Избранный народ, носитель мессианской идеи, или, как позднее, в христианском сектантстве, народ «святых», заменяется пролетариатом с особой пролетарской душой и особой революционной миссией, причем избранность эта определяется уже не внутренним самоопределением как необходимым условием мессианского избрания, но внешним фактом принадлежности к пролетариату, положением в производственном процессе, признаком сословности. Роль сатаны ... естественно досталась на долю класса националистов, возведенных в ранг метафизического зла, точнее заступавших их место в социалистическом сознании за свою профессиональную склонность к накоплению... Мессианским мукам и последним скорбям здесь соответствует неизбежное и, согласно закону обнищания, все прогрессирующее обеднение народных масс, сопровождаемое ростом классовых антагонизмов, а на известной ступени этого процесса происходит социальная революция, осуществляемая или через посредство «диктатуры пролетариата», захватом политической власти, или же „*action directe*“ французского синдикализма» [12, с. 116-117].

Булгаковская «теологизация» марксизма, а также мысль о его «богоборческом» характере получили широкое распространение на Западе и пользуются там славой классического образца критики марксизма. И хотя последняя мысль, по признанию самого Булгакова, принадлежит Масарику, именно булгаковский ее вариант приобрел всеобщее признание.

Тем не менее, на наш взгляд, именно социологические (или если угодно соци-

альные) выводы этой критики составляют наиболее ценную часть творческого наследия Булгакова. Современному читателю трудно будет освободиться от ощущения, что в своих социальных прогнозах Булгаков оказался, увы, пророком. Его мысли о том, что атеистическое общество неизбежно придет к обожествлению государства и в лице его земного владыки создаст себе нового «божественного Цезаря», что марксизм неизбежно приведет к «канонизации» К. Маркса, к сожалению, подтвердились нашей 70-летней историей. Можно не соглашаться с Булгаковым в деталях, но несомненно, что он, если и не предвидел со всей отчетливостью, то по крайней мере, предощущал появление на арене российской истории «демона с сухонькой ручкой, которому удалось разлечь нравственность двухсотмиллионного народа» (выражение В. Каверина).

К числу открытий Булгакова следует отнести и то, что за тенденцией к канонизации К. Маркса он увидел не научную или иного рода недобросовестность, а имманентную закономерность самого марксизма. С одной стороны, Булгаков признает, что «экономический материализм» «насквозь этичен», с другой, замечает, что он «чужд всякой этике». Может показаться, что это - логическое противоречие самого Булгакова, но мы склонны думать, что здесь он обнаружил диалектическое противоречие собственно марксизма, содержащее в себе возможность и дальнейшего творческого развития, и (если его «не замечать») самого тяжелого «застоя». Марксизм, действительно, «чужд всякой этике» в том смысле, что обосновывает свои выводы и прогнозы, исходя не из требований этического идеала, а из самой действительности. Но он же и «насквозь этичен», т. к., отвергая всякую религию, отвергает тем самым и религиозную нравственность, на место которой ему нечего поставить, кроме самого себя. Здесь-то и возникает потребность в «философской канонизации» К. Маркса, поскольку ни одна «живая» система нравственности не обходится без этического идеала - живого (реального или мифического — это не имеет значения) носителя, воплощения этой нравственности. В христианстве таким воплощением является Иисус Христос, в марксизме... Карл Маркс. «Вера в авторитет - такова гносеология экономического материализма» и таково окончательное суждение Булгакова о марксизме, высказанное им на последних страницах «Философии хозяйства».

Одно из основных затруднений, с которым встречается я исследователь, и читатель философских сочинений Булгакова, заключается в стремительной текучести его взглядов, которые очень трудно «оформить» в виде единой стройной системы. Можно ли вообще говорить о «системе философии» С. Н. Булгакова? Сам он, несомненно стремился к созданию системы, что, с одной стороны, было следствием его «германофильства», а с другой — укоренившегося в России в начале XX в. «немецкого», по выражению З. А. Штейнберга, [13, с. 11]), представления о философии. Построить систему философии Булгакову мешала не только его стремительная философская «эволюция», но еще, по крайней мере, два обстоятельства, которые он, по-видимому, не вполне осознавал. Одно из них относится к общей ситуации, сложившейся в мировой философии к началу XX в. Это было время крушения классической парадигмы развития философской мысли, время оформления основных современных направлений буржуазной философии, каковыми являются экзистенциализм и неопозитивизм. Отрицая последний, Булгаков не примкнул и к первому (хотя в его произведениях присутствуют многие экзистенциалистские «мотивы», и внимательный читатель их несомненно заметит). Его идеальные представления о философии - строго классические, недаром он помещает себя в конце шеренги таких мыслителей, как Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель, Вл. Соловьев. Прежде всего, конечно, Шеллинг, которого Булгаков считал своим непосредственным предшественником. Многочисленные цитаты из Шеллинга, которыми буквально пестрят его сочинения, как будто убеждают в общности проблематики, владевшей умами обоих мыслителей. Но между ними существует еще и «тайное сродство», которое обна-

руживается при сопоставлении результатов их философского творчества: они оба не смогли построить завершённую философскую систему, хотя оба стремились к этому. Неспособность завершить систему философии привела Шеллинга к той форме философского идеализма, который очень мало, но все же отличается от теологии. Булгаков эту границу - между философией и богословием - преступил, причем решительно и бесповоротно. Невозможность построения системы философии Булгаков осознал как трагедию философии, что безусловно являлось и его личной трагедией как философа. «Философ,- пишет он в „Трагедии философии" (эту книгу можно считать своего рода теоретической автобиографией Булгакова),— не может не летать, он должен подняться в эфир, но его крылья неизбежно растаивают от солнечной жары, и он падает и разбивается. Однако при этом взлете он нечто видит, и об этом видении и рассказывает в своей философии. Настоящий мыслитель, так же как и настоящий поэт (что в конечном счете одно и то же) никогда не врет, не сочиняет, он совершенно искренен и правдив, и однако удел его - падение. Ибо он восхотел системы: другими словами, он захотел создать логически мир из себя, из своего собственного принципа - „будьте как боги",- но эта логическая дедукция мира невозможна для человека* [14, с. 00]. Теперь Булгаков все философские системы рассматривает не как «отвлеченные начала», а как «ересь» (Там же, с. 88). «История философии есть трагедия. Это - повесть о повторяющихся падениях Икара и о новых его взлетах» [Там же. с. 89]. Остается, как и древним, утешаться мыслью, что «Дедалов сын себя падением не обесславил».

Одна из современниц Булгакова, знакомая с ним в пору его философского расцвета, пишет, что «цельного представления о его мировоззрении» у нее никогда не было. «Причина может быть и в том, что цельности не было в нем самом». Булгакову, замечает она далее, «не хватало мужества пристрастий - или же оно давалось ему нелегко, с мукой» [5, с. 149-150]. Наверное, так оно и было. И только с принятием священства, только «переквалифицировавшись» из философа в богослова, Булгаков обрел и «цельность мировоззрения» и «мужество пристрастий», которых ему не доставало. Теперь уже и собственное философское творчество представлялось ему предварительной ступенью к богословию, своего рода «богословской пропедевтикой». Недаром же он писал: «Философский идеализм есть необходимый путь к религии, представляет станцию, которой не может миновать современный человек в своем стремлении к религиозному мировоззрению».

Итак, философское поприще С. Н. Булгакова закончилось. И хотя земная жизнь его продолжалась и ему еще предстояло более 20 лет богословного творчества, наш обзор его философского мировоззрения (поневоле краткий и поневоле фрагментарный) можно было бы закончить, если бы не одно удивительное на первый взгляд обстоятельство: покончив расчеты со своей «философской совестью», Булгаков еще не кончился как социолог. Впереди было еще одно открытие Булгакова - «христианская социология».

«Христианская социология»

Превратившись в богослова, т. е. перестав быть философом, Булгаков, тем не менее остался, и оставался им до конца жизни,— социологом. Если внимательно проследить его эволюцию от марксизма к идеализму и далее к религии, то легко убедиться, что в этом «превращении» нет ничего «чудесного» и даже, пожалуй, неожиданного.

Дело в том, что «проблема философии хозяйства,- пишет Булгаков,- в сущности никогда не сходила с моего духовного горизонта, поворачиваясь лишь разными сторонами» [15, с. 1]. Философская эволюция Булгакова означала постепенное -сокращение собственно философской проблематики по сравнению с теологической и в конце концов решительное вытеснение, «поглощение» философии теологией.

И в тот момент, когда это «поглощенной свершилось («Икар упал», - по образному выражению Булгакова), и религиозная философия Булгакова растворилась без остатка в религии, религиозная социология как раз и оказалась тем нерастворимым остатком булгаковского мировоззрения, превратившись теперь в «христианскую социологию».

В творчестве Булгакова произошла своеобразная перестановка акцентов: Богово было теперь отдано Богословию, мир и человек стали достоянием «христианской социологии». Оригинальность Булгакова проявилась теперь в том, что богословие и социология в его учении настолько переплелись, что богословие стало как бы разделом социологии, как еще раньше таким разделом явилась экономика. Целью и исходным пунктом христианской социологии является человек, понимаемый как личность. «Христианское богословие призвано... дать ответ на вопрос, пред которым в бессилии остановилась социология,— пишет Булгаков в статье „Душа социализма“, — которая изнемогает от безличности, и христианская антропология должна быть применена к социологии». С. Н. Булгаков не успел (или не ставил своей целью) построить систему христианской социологии, во задачу ее построения сформулировал вполне четко.

С. Н. Булгаков и современность

Знакомство с творческим наследием Булгакова показывает, что некоторые идеи мыслителя (и таких идей немало) настолько актуальны и настолько вписываются в картину наших сегодняшних споров, что специальный разговор о Булгакове и современности может показаться излишним. Читать Булгакова без всякой скидки на «историю», читать как нашего современника, — вот единственно правильный путь постижения его мысли. Здесь хотелось бы только мысленно вернуться к тому моменту, когда полемика Булгакова с марксизмом была «механически» прервана. История высылки интеллигенции в 1922 г. еще ждет своего исследователя. Но нельзя не отметить, что весьма распространенное сейчас мнение о том, что акция 1922 г. была шестом «гуманности», совершенно ложна по своей сути. Конечно, нельзя не согласиться, что для Булгакова, Бердяева, Ильина и для других сотен высланных в 1922 г. насильственная депортация была лучше, чем расстрел в 1937 г. или лагерь на Соловках. Но ведь возможна и такая постановка вопроса: состоялся бы «большой террор», если бы лучшая часть интеллигенции не была заблаговременно выдворена из страны? Какой бы ответ о причинах высылки 1922 г. ни дали будущие историки, одна из этих причин кажется нам очевидной: ни к 1922 г., ни тем более к 1937 г. марксизм не научился вести серьезной аргументированной полемики со своими идеологическими (подчеркиваем: идеологическими, а не политическими) противниками.

В частности, не может не удивлять тот факт, что, например, на книгу Булгакова «Философия хозяйства» из «больших» марксистов откликнулся (да я то еле-еле), кажется, один Н. И. Бухарин [16].

Другой «отзыв» принадлежит одному из персонажей романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина»: «Недавно я прочитал очень интересный труд „Философия хозяйства“, это — любопытная к фантастической попытка изложить учение Маркса теологически» [7, с. 460].

И вот теперь наследие С.Н. Булгакова постепенно возвращается на родину. Возвращается для того, чтобы мы, наследники и современники, сумели духовно в нравственно обогатиться и с более оптимистической надеждой взглянуть в глаза неведомому будущему. Сумеем ли? Во многом это зависит от того, как Булгаков (и не только он, разумеется) будет встречен на родине. Хотелось бы только, чтобы «читатель, ознакомившись с предлагаемой его вниманию статьей Булгакова, не спешил опровергать, а сначала разобрался бы, понял и только затем, если хватит

сил, творчески преодолел, чтобы двинуться дальше по бесконечной дороге мудрости и мысли. Это старая истина, но я считаю нелишним ее напомнить, ибо, как говорил П. Я. Чаадаев, «одна из наиболее печальных черт нашей своеобразной цивилизации заключается в том, что мы еще только открываем истины, давно уже ставшие избитыми в других местах и даже среди народов, во многом далеко отставших от нас».

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков С. И. Автобиографические заметки. Париж: Умса-press, 1916.
2. Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1922. Т. 1.
3. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество//Вехи, 1909.
4. Шагинян М. С. Человек и время//Новый мир. 1973. № 6.
5. Герцык Е. Воспоминания. Париж: Умса-press, 1973.
6. Булгаков С. В. На пиру богов. Pro и contra. София. 1921.
7. Булгаков С. Н. Россия, эмиграция, православие // Вестн. РХД. 1975. № 116. С. 157-158.
8. Зандер Л. А. Бог и мир. Т. 1. С. 11-22.
9. Булгаков С. Н. О социальном идеале//Вопр. философии и психологии. 1903, Кн. III(68).
10. Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму. СПб., 1903.
11. Страхов П. С. Антисоциалистическая религиозность. По поводу книги С. Н. Булгакова «Два града». Сергиев Посад, 1911.
12. Булгаков С. Н. Два града. Т. II
13. Штейнберг З. А. Система свободы Ф. М. Достоевского. Берлин. 1923.
14. Вестн. РСХД. 1971. № 101-102.
15. Булгаков С. Н. Философия хозяйства М., 1912.
16. Бухарин Н. И. Политическая экономия рантье. М., 1988. 17. Горький М. Жизнь Клим Самгина//Соч. Т. 14. М., 1979.